
АВТОНОМИЯ КАК ФОРМА ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

П.В. Ульянищев

Кафедра конституционного и муниципального права
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются вопросы о причинах и значении возникновения территориальных автономий. Излагается эволюция взглядов отечественных ученых на данный институт. Приводится анализ видов и типов автономных образований, а также классификация автономий.

Термин «автономия»¹ происходит от греческого слова $\alpha\upsilon\tau\omicron\nu\omicron\mu\iota\alpha$ (autonomia), вариантами перевода которого могут быть «самоуправление» или «самозаконие» (от autos — сам, и nomos — закон). В античности автономия предполагала полную государственную самостоятельность. Основными условиями автономии полиса были его территориальная неприкосновенность, право определения формы внутреннего самоуправления и самостоятельного решения вопросов, касающихся внешних сношений. Со временем подход к пониманию автономии, разумеется, заметно эволюционировал, однако ее суть осталась неизменной: автономия — это, прежде всего, право самостоятельно решать дела внутреннего законодательства и управления.

В широком смысле данное явление можно обозначить как определенную степень самостоятельности каких-либо органов, организаций, территориальных и иных общностей в вопросах их жизнедеятельности [3, с. 6]. То есть это право, предоставляемое объединениям, сословиям, корпорациям руководствоваться собственными нормами и правилами в определенных пределах. В политико-правовом контексте это право самостоятельного осуществления территорией (территориальной единицей) государственной власти в пределах, предоставленных ей конституцией, законодательством².

Автономия также может быть определена как одна из форм внутреннего самоопределения этнических и региональных общностей в рамках единого государства. В подобном контексте она означает самоуправление этноса на своей коренной территории компактного расселения. «Иногда термин «автономия» используется для обозначения самих самоуправляющихся сообществ. Наиболее употребительное значение понятия «автономия» — форма самоуправления части территории федеративного государства» [11]. Автономная территориальная единица самостоятельна в решении вопросов местного значения в пределах, установленных центральной властью, а население автономной территориальной единицы пользуется правами самоуправления.

В последние десятилетия понятие автономии в научной литературе все чаще употребляется в чрезвычайно широком смысле как предоставление любой части

государства или всем однопорядковым частям (например, всем областям в Италии) какой-либо формы самостоятельности, внутреннего самоуправления. Так, Конституция Японии 1946 г. говорит о «принципе местной автономии», которую часто называют областной. Однако создание автономных образований в унитарном государстве обычно связано с учетом особенностей культуры, истории, традиций, быта проживающего в них населения (например, Корсика во Франции, Иракский Курдистан, округа для индейского населения в Никарагуа).

Надо заметить, что взгляды на само явление автономии, равно как и оценки его политического значения, всегда были неоднозначны³. Объясняется это тем, что любое явление, в частности автономия, никогда не «живет» отдельно от эпох, в которых существует, а так же от авторов, ученых, рассматривающих это явление, наполняющих его конкретным смыслом, меняющимся при смене времен, идеологий, социально-экономических формаций и т.д.

Понятие автономии во взглядах отечественных ученых на различных этапах.

Как и российская наука государственного права, так и правовой анализ рассматриваемого понятия насчитывают многолетнюю историю.

Следует, впрочем, иметь в виду, что дореволюционная научная мысль может рассматриваться в данном контексте с определенными ограничениями (что не удивительно, учитывая тот факт, что «в Российской империи не было образований, официально признанных автономией» [9, с. 5]). Большинство дореволюционных российских юристов (в частности, Н.М. Коркунов, С.А. Котляревский, Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Корф, работы которых датируются концом XIX — началом XX в.) в большей степени интересовались теорией Г. Еллинска, П. Лабанда, В. Уиллоуби о едином суверенитете федерации при сохранении государственности ее участников, согласно которой территориальные единицы (штаты, земли) могут считаться государствами, не обладая суверенитетом, если они обладают правом самостоятельного законодательства.

Тем не менее, в тот же период конца XIX — начала XX в. А.П. Щапов в своих лекциях в Казанском университете рассматривал идею создания «Российской Федерации самоуправляющихся областей», построение которой в значительной степени совпадало с принципами построения автономий. Яценко А.С., тщательным образом рассмотрев идеи, касающиеся федерализма и автономизма (от взглядов декабристов до идеологий на окраинах Российской империи, пусть и не признававшихся автономиями, но фактически таковыми являвшимися), также внес огромный вклад в разработку рассматриваемого явления [10]. Кокошкин Ф.Ф. в своих работах [5] развивал свои взгляды на устройство многонационального государства, впрочем, выступая против построения федерации и автономии по национальному признаку. Ученый полагал, что установление в Российской империи федерации приведет в итоге к созданию конфедерации (свободному союзу суверенных государств), а автономию рассматривал как исключительно территориальную единицу, учитывающую этнографические условия, не обладающую широкими правами, а только правами местного значения, осуществляемыми, впрочем, под контролем правительства через его представителей. Решение же для России Кокошкин видел в соглашениях и союзах автономий между собой, консолидации губерний в более обширные области с учетом интересов социальных и национальных групп и направленности на создание «государства с автономным устройством провинций». Национальную сторону автономизации рассматривал и В.М. Гессен, отмечая, однако, особенность автономных областей, заключающуюся в том, что их власть дарована им «по доброй воле» господствующего над ними государства [1].

Кроме указанных авторов, следует выделить также следующих ученых, затрагивавших вопросы автономизма в предреволюционный период: К. Кульчицкий, Н.И. Лазаревский, С.А. Котляревский и др.

Период Советского Союза внес свои коррективы во взгляды ученых на вопросы автономии. Интерес советских государствоведов к предмету данной статьи вызвало фактическое строительство автономий в 1920-1922 гг. К.А. Архипов, В.Н. Дурденевский, Н.И. Челябинов, Г.С. Гурвич, Н.Н. Фиолетов, И.Н. Ананов сделали попытку осветить вопросы, связанные с понятием автономии и ее соотношением с федерацией. В частности, Г.С. Гурвич указывал на то, что познание существа и смысла советского федерализма требует решительного отказа от стандартов (судя по всему, имея в виду различия между советским, социалистическим подходом и «отжившим» дореволюционным, «буржуазным»). Он определил автономию как «самозаконodательство» или «право политического самоуправления», которое «способно принимать разные формы и колебаться в объеме» [4]. Право регулировать определенные сферы местной жизни местными же законами, по его мнению, определяет возникновение автономии. Однако надо иметь в виду, что определение автономии в исследовании данного советского государствоведа имело значение в контексте разграничения федеративной части государства и автономной, несмотря на собственное утверждение о невозможности такого разграничения на практике.

В то же время связь автономии с национальным вопросом, то есть с той основой автономизма, которую невозможно обойти вне зависимости от господствующего социального строя на момент формирования взглядов ученого, раскрыл Н.И. Челябинов — его воззрения во многом способствовали возникновению нынешних национальных отношений, складывающихся в рамках современной России. Подробное рассмотрение правовых вопросов советского федерализма и автономий осуществил и В.Н. Дурденевский. Не менее значимый вклад в разработку рассматриваемых вопросов в период становления советского права внес К.А. Архипов, выделяя в качестве основы возникновения автономии предоставление самоуправляющейся части политического организма права на самоопределение в области законодательства [2]. Также определенный фактологический интерес представляет работа Н.Я. Куприна [8].

Во второй половине XX в. разработку вопросов национально-государственного строительства РСФСР, а также правовой анализ процесса образования автономных республик и автономных областей, их юридической природы проводили такие ученые, как А.В. Радвогин, З.Г. Еникеева, Р.Ш. Хафизов, А.М. Халилов, А.М. Каримов, К.Д. Коркмасова. Отдельно следует выделить исследования советских юристов И.Д. Левина, Я.Н. Уманского, Р.С. Мулукаева, Б.Л. Железнова, О.И. Чистякова, А.И. Лепешкина и В.А. Рахлевого.

В целом можно сказать, что для советского периода характерны, прежде всего, отказ (особенно старательный во времена становления новой советской республики на территориях бывшей Российской Империи) от оценки и строительства автономий по принципам и подходам «индивидуалистического» государства и разработка новых — социалистических — правовых основ, а также, в большинстве случаев, усмотрение сути автономии в обеспечении развития народов обширного и многонационального государства через создание национально-государственных образований.

Современные конституционно-правовые исследования, посвященные автономным образованиям, не так многочисленны, как работы по советской автономной государственности или даже исследования ученых царской России. Связано это, пожалуй, не только с тем, что современная наука конституционного права насчитывает значительно меньше лет, нежели вышеозначенные научные традиции, но и,

прежде всего, с тем, что проблема автономии как предмет научного исследования после возникновения Российской Федерации в значительной степени утратила свое значение — гораздо большую актуальность приобрели вопросы статуса субъектов федерации, разграничение их полномочий с центром, равноправия субъектов федерации и т.д. Суть же и правовая природа субъектов федерации, названия которых содержат обозначение автономности (автономные округа и автономная область) до недавнего времени мало кого интересовали. Однако нельзя не упомянуть ряд трудов и авторов, посвященных современному российскому автономизму.

Характерными чертами, объединяющими практически все работы конституционно-правовой направленности постсоветской России, посвященные проблеме автономии в указанный период, являются следующие: большинство авторов обращаются к практике (прежде всего законодательной, однако нередко и этнографические очерки) построения конкретных автономных образований на территории Российской Федерации, а не к идее автономии в принципе и путях ее применения в современных условиях на данной территории; подавляющее большинство монографий и статей рассматривают опыт построения национально-культурной автономии (видимо, в связи с принятием в 1996 г. Федерального закона РФ «О национально-культурной автономии» № 74-ФЗ от 17 июня 1996 г.).

Прежде всего, среди современных авторов следует выделить Т.Я. Хабриеву, А.Г. Осипова, Б.Д. Дамдинова, Е.В. Кузнецову, В.В. Иванова и И.Л. Жеребцева.

Кроме того, познавательны и чуть более ранние статьи, касающиеся обозначенной темы, таких авторов, как А.А. Ливеровский, В.А. Симонов и И.В. Левакин и И.Н. Барциц (в соавторстве).

Однако несравненно больший интерес представляет собой монументальный труд известного современного государствоведа О.Е. Кутафина: «Российская автономия» (М., 2006). Данная монография, кроме прочего, включает обширное историографическое исследование, посвященное фактическому возникновению и развитию автономий в России на протяжении всей ее истории, содержащее как анализ законодательных актов, так и мнения ученых правоведов различных эпох. Значение такого исследования для современного законодателя трудно переоценить, так как знакомство с истоками и подходами к управлению позволяют применять механизмы автономии к современным реалиям с определенной гарантией против ошибок такого применения, и, соответственно, позволяет избежать негативных последствий в национально-государственном строительстве. Автор также выявляет важнейшие и неоспоримые связи рассматриваемого предмета с такими моментами, как национальный вопрос, права народов и, как «элементарной частички» нации, — человека.

Не обходит Кутафин и такой важнейший вопрос, как соотношение и сравнение автономных образований с федерацией и с местным самоуправлением, подчеркивая и различия между этими формами территориального устройства власти, определяя их пределы, рассматривая их в разрезе принципов централизации и децентрализации. Важна в данном контексте мысль ученого, основанная на оценке реального политико-правового положения автономных образований в России с учетом места автономии в ее федеративном устройстве⁴, заключающаяся в том, что автономия и как идея, и как государственная форма, способствует одновременно и децентрализации власти в РФ, и сохранению ее единства.

Однако какие бы научные споры не велись о формах и видах автономии, ее правовой природе, какие бы теории и взгляды, касающиеся признаков государственности автономных образований не разрабатывались, все они с неизбежностью

будут наталкиваться на практический опыт реализации идей автономизма, на многообразии подходов к построению автономий.

Виды автономий. Прежде всего, надо заметить, что указанное многообразие продиктовано также и тем, что автономные образования могут создаваться как в составе унитарных, так и в составе федеративных государств — принципиальная разница в построении общего государства приводит и к различиям в автономизации.

Наиболее простая классификация автономий предполагает разделение их по степени самостоятельности: «в одних странах (Китай, Эфиопия) автономии являются административными (издание газет, радиовещание, судопроизводство на местном языке), в других — законодательными или политическими (издание местных законов по определенным вопросам)» [6, с. 199]. К последним относятся Дания (Гренландия), Франция (Корсика), Португалия (Азорские острова), Испания (Страна Басков) и др.

В зависимости от субъекта, характера и целей предоставления автономия может классифицироваться по типам и видам. Прежде всего, делится по субъекту на два типа: *автономия учреждений*⁵ и *автономия общностей*. Автономия общностей подразделяется на территориальную и экстратерриториальную автономии.

Территориальную автономию называют также политической или законодательной автономией. «Территориальная автономия предполагает установление региональной формы управления разного уровня в районах преимущественного проживания меньшинств этнических и других групп, имеющих отличительные религиозные, историко-культурные или регионально-экономические характеристики» [12].

Территориальная автономия означает самостоятельность определенной территориальной единицы в рамках конституции и законодательства, т.е. «решения органов публичной власти или населения этих единиц, принятые в пределах установленных конституцией или законом автономных прав, не могут быть отменены органами государства или органами публичной власти более крупной единицы, в которую входит данная единица» [7, с. 655]. Ключевыми моментами в выявлении такой самостоятельности являются (1) невозможность органов любого уровня государства, в которое автономия входит, отменить законодательные акты автономного образования, которые (2) не вступают в противоречие с Основным законом данного государства и иными законодательными актами соответствующего уровня.

Территориальные автономии могут иметь статус государственного образования в рамках федерации с собственной конституцией, законодательством и официальным языком (такую автономию также нередко обозначают как «высшую» форму автономии, однако представляется, что это не совсем корректное определение). Отношения такого территориального образования с федеральной властью регулируются на основе общей конституции и соглашений. Таковы, например, Каталония и Страна Басков в Испании, республики в Российской Федерации. Автономией по религиозному признаку является Аджарская автономная республика в составе Грузии, где проживают аджарцы — исламизированные грузины.

Другими автономными территориальными образованиями являются автономные округа в Российской Федерации, национальные районы в Китае, индейские резерваты и самоуправляемые арктические общины аборигенных народов в США и Канаде.

Территориальная автономия, в свою очередь, подразделяется на административно-территориальную (региональную), национально-территориальную и национально-государственную автономии.

Административно-территориальная (региональная) автономия является одним из способов децентрализации власти в унитарном государстве. Статус субъек-

тов административно-территориальной автономии выше, чем статус обычных административно-территориальных единиц, но ниже, чем у субъектов национально-территориальной, национально-государственной автономии или субъектов федерации. Территория — носитель данного вида автономии — не имеет признаков государственного образования. Административно-территориальная автономия выражается в наличии у территориальной единицы системы самостоятельно формируемых органов исполнительной и законодательной власти, а также полномочий издавать законы по установленному центром кругу вопросов. Правовой статус определяется специальным актом (статутом), устанавливаемым или утверждаемым общегосударственным законом. Органы субъекта административно-территориальной автономии осуществляют свою деятельность под надзором центральных органов власти, которые, как правило, назначают для этого своих представителей (губернаторов, комиссаров и т.д.). Региональные законы могут быть отменены центром, если они противоречат общегосударственным интересам.

Национально-территориальная автономия — разновидность территориальной автономии, традиционно считающаяся одним из способов решения национального вопроса в многонациональном государстве. Подразумевает предоставление отдельной части (частям) унитарного государства, населенной преимущественно представителями какого-либо национального меньшинства, определенной самостоятельности в решении вопросов внутренней жизни. В определенном смысле для предоставления такой автономии решающим выступает тот факт, что данная территориальная единица заселена «значительной долей инационального населения или населения, отличающегося иными особенностями своего быта, обусловленными, скажем, островным положением территории». Статус субъектов национально-территориальной автономии, как правило, несколько выше, чем статус субъектов административно-территориальной (региональной) автономии, и ниже, чем у субъектов национально-государственной автономии. Рассматриваемый вид автономии распространяется не только на административную (в отличие от региональной), но и на культурно-языковую сферу. Субъекты национально-территориальной автономии имеют свою систему самостоятельно формируемых государственных органов (исполнительных и законодательных), действующих, однако, под надзором центральных органов власти. Они могут издавать свои законодательные акты, но лишь по установленному центром кругу вопросов. Ограниченный характер национально-территориальной автономии выражается в том, что ее статут (акт, служащий правовой основой деятельности автономных органов) устанавливается или, по крайней мере, утверждается общегосударственным законом, а автономные законы могут быть отменены центральными органами, если они противоречат общегосударственным интересам. На территории такой автономии наряду с общегосударственным официально используется язык национального меньшинства. Примерами национально-территориальной автономии является статус Страны Басков, Каталонии и Галисии в Испании, Аландских островов в Финляндии, Гренландии и Фарерских островов в Дании.

Национально-государственная автономия представляет собой разновидность территориальной автономии, и, так же как и национально-территориальная автономия, — один из способов решения национального вопроса в многонациональном государстве. Она означает предоставление отдельной части (частям) унитарного государства, населенной преимущественно представителями какого-либо национального меньшинства, широкой степени самостоятельности и определенных атрибутов государственности: наличие собственной системы органов государственной власти, формируемых независимо от центра, собственных конституционных актов,

собственной, установленной центром, законодательной компетенции, собственного официального языка, гражданства, а также собственных государственных символов (герба, флага, гимна и т.д.). Субъект национально-государственной автономии является государственным образованием, и объем его правомочий, по сути дела, не уступает объему правомочий субъекта федерации. Примером национально-государственной автономии может служить статус автономных республик в бывшем СССР, статус Республики Крым в составе Украины, Каракалпакской Республики в составе Узбекистана и др.

Несмотря на то, что данная статья посвящена, прежде всего, территориальной автономии, нельзя обойти вниманием также такой вид автономии, как *экстратерриториальная (культурная)*, который закрепляется в законодательстве, а подчас и в конституциях ряда стран, тем более учитывая тот факт, что в 1996 в России принят Закон «О национально-культурной автономии» (Федеральный закон № 74-ФЗ от 17.06.1996), согласно которому в стране создан ряд автономий различных уровней (местный, региональный и федеральный).

Культурная (национально-культурная) автономия — это экстратерриториальная форма самоорганизации меньшинств в целях сохранения и развития культуры, обеспечения социально-экономического развития и политического представительства, взаимодействия с государственной и местной властями.

Это национально-культурное самоопределение, представляющее собой объединение граждан государства, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры.

Национально-культурная автономия является видом общественного объединения. Организационно-правовой формой национально-культурной автономии является общественная организация.

Национально-культурная автономия согласно указанному выше закону Российской Федерации основывается на принципах:

- свободного волеизъявления граждан при отнесении себя к определенной этнической общности;
- самоорганизации и самоуправления;
- многообразия форм внутренней организации национально-культурной автономии;
- сочетания общественной инициативы с государственной поддержкой;
- уважения языка, культуры, традиций и обычаев граждан различных этнических общностей;
- законности.

Культурная автономия строится на экстратерриториальной основе, т.е. распространяется не на конкретную территорию, а на всех представителей определенной национальности. Культурная автономия реализуется через такие организационные формы, как национальные культурные центры, землячества, национальные общественные советы и ассоциации (например, Союз российских немцев в РФ). В Бельгии культурная автономия осуществляется через особые сообщества (фламандское, валлонское и немецкое), являющиеся одним из двух видов субъектов бельгийской федерации.

К разновидности культурной автономии можно также отнести так называемую «кочевую автономию», носящую не просто экстратерриториальный, а даже межго-

сударственный характер. Для целей этой автономии определены границы сезонных миграций кочевых племен (туарегов), маршрут которых пролегает по нескольким государствам Африки.

Национальными законодательствами и международно-правовыми нормами культурной автономии предусмотрена государственная поддержка.

Таким образом, основной вывод, который можно сделать, базируясь на приведенных выше положениях, заключается в том, что вне зависимости от характера автономии — административного или национального — одной из основ, а чаще даже первопричиной создания такой автономии⁶, является вопрос об этнической идентичности компактно проживающего на ее территории населения.

Недальновидной будет политика того государства, которое станет лишать отдельные народности, проживающие в его пределах, возможности жить по веками сложившимся устоям и сохранять свою культурную идентичность (даже расценивая свои устои и культуру более «продвинутыми и цивилизованными») и не предоставлять ей возможностей самостоятельного (хоть и ограниченного) управления той территорией, на которой данная народность располагается. Сюда относятся и такие права, традиционно гарантированные конституциями, как право на использование и сохранение родного языка, так и право издания законов, действующих на территории автономии и не противоречащих основам общегосударственного законодательства.

Автономия, исходя из вышесказанного, выступает в качестве наиболее эффективной формы решения национального вопроса и вопроса защиты меньшинств: предоставление автономии осуществляется не просто в рамках права (что уже является преимуществом по сравнению с иными, в том числе насильственными способами решения), а в конституционном поле, что само по себе выступает определенной гарантией прав как в отношении автономии, так и в отношении государства, частью которого она является; право на самоопределение национальных меньшинств реализуется без угрозы целостности и единству многонационального государства благодаря предоставлению не чрезмерного объема самостоятельности (как возможно при предоставлении чуть ли не суверенных прав в отношении «государств, входящих в состав государства»), а ровно необходимого для осуществления указанного права.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В философском смысле автономия означает индивидуальную свободу действия, самостоятельное бытие, определяемое собственным разумом и совестью (Кант).

2. Данное определение представляется лишь осовремененным вариантом более ранних попыток определения: «Право самостоятельного осуществления государственной власти или управления, предоставленное конституцией какой-нибудь части государства» (Толковый словарь Ожегова).

3. «В средние века существовали самые обширные и разнообразные автономии, колебавшие государственное единство и общее государственное право. Современные государства по справедливости не допускают автономии, могущей нарушать равноправность. Но и теперь, признается, конечно в границах закона, автономия общин, единений, союзов, корпораций в их внутренних, особенных делах и отношениях. Подобная автономия обеспечивает их свободное развитие, необходимый рост и порядок, благотворно действуя на развитие сил как отдельных членов, так и всей совокупности их в единении или союзе... Некоторые, наконец, к понятию автономии относят и всю широкую область самоуправления. Ср. Гнейста, «Verwaltung, Justiz, Rechtsweg, Staatsverwaltung u. Selbstverwaltung u.s.w.» (Берлин,

1869 г.). Руководство Л. Штейна, «Учение об управлении», в русском переводе, Санкт-Петербург, 1877 г.» — www.brokhhaus.narod.ru — виртуальный вариант «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона».

4. Здесь пристального внимания достойно следующее мнение Кутафина: «Автономией в России пользуются практически все ее субъекты» [9, с. 342], наводящее на аналогию с идеей «Российской Федерации самоуправляющихся областей» А.П. Шапова, упомянутой выше.

5. Автономия учреждений делится на такие виды, как финансовая, экономическая и административная автономия, и предоставляется, как правило, отдельным государственным органам и учреждениям в силу специфики их деятельности, требующей принятия оперативных и компетентных решений: государственным банкам, предприятиям, научным центрам и т.п.

6. Наравне с культурными, а подчас и религиозными отличиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономия, федерация и национальный вопрос / Под ред. Гессена В.М. — Санкт-Петербург, 1906.
2. *Архипов К.А.* Советские автономные области и республики. — М., 1925.
3. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. — 2-е изд. — М.: ИНФРА-М, 2002.
4. *Гурвич Г.С.* Принципы автономизма и федерализма в советской системе. — М., 1924.
5. *Кокошкин Ф.Ф.* Областная автономия и единство России — М., 1905.
6. Конституционное право / Под ред. Козлова А.Е. — М., 1997.
7. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть / Под ред. Страшуна Б.А. — М., 1996.
8. Куприц Н.Я. Об автономной области как одной из форм советской автономии и ее правовом положении // Советское государство и право. — 1940. — № 5/6.
9. Кутафин О.Е. Российская автономия. — М., 2006.
10. Яценко А.С. Теория федерализма. — М., 1912.
11. Виртуальный вариант «Энциклопедического словаря: Экономика и право» // <http://ekonomica.com>
12. Виртуальная энциклопедия «Народы и религии мира» // <http://enc.mail.ru>

AUTONOMY AS NATIONAL TERRITORIAL SELF-GOVERNMENT

P.V. Ulyanishchev

The Department of Constitutional and Municipal Law
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya st., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the reasons and value of occurrence of territorial autonomies. It also gives the evolution of opinions of Russian scientists on this institution. The analysis of kinds and types of autonomic formations, as well as the classification of autonomies are presented in the article.